

МЕЛИНА БОЯРОВА

ЕДИНСТВЕННАЯ ДЛЯ КНЯЗЯ
КАК ДОЛГО Я ТЕБЯ ИСКАЛ

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Б86

Боярова, М.

Б86 Единственная для князя. Как долго я тебя искал / М. Боярова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 306 с. — (Талисман для князя).

Однажды я проснулась и осознала, что ничего не помню о себе и собственном прошлом. Говорят, я важный свидетель в громком преступлении, и мои показания помогут разоблачить убийцу. Я готова сотрудничать со следствием и хочу вспомнить, кто же такая гимназистка Молчанова. Проблема в том, что я совсем не тихоня и отличница, за которую меня все принимают. И самое ужасное, что великий и безупречный канцлер, лично заинтересованный в расследовании, начинает меня в чем-то подозревать.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ГЛАВА I

Запах больницы ни с чем не спутаешь. Смесь лекарств и обеззараживающего средства намертво въедается в оштукатуренные стены, оседает на дощатом полу, подоконниках и полированных спинках кроватей. Я еще витала в приятной дреме, цепляясь за обрывки сна, а в носу уже свербело от хлорной извести.

До слуха донеслось ворчание уборщицы и скользящий звук швабры с характерным постукиванием. Ежедневная уборка помещений и неизбежный ранний подъем пациентов — классическое начало дня в любом лечебном заведении нашей необъятной страны. Наконец, хлопнула дверь, обдавая меня легким сквозняком, и наступила тишина. Однако я уже проснулась. Едкий запах стал резче, проникнув внутрь вместе с порывом воздуха, чему я искренне возмутилась и оповестила об этом громким чиханием. Туман в голове сразу прочистился, я распахнула глаза и уставилась в беленый потолок.

И что это я здесь делаю? — возник резонный вопрос и следом не менее важный. — А я — кто?

Странное ощущение — не знать, кто ты такая, и в то же время понимать, что это ненормально. Ведь, если ты чего-то не помнишь, то и не задумываешься над этим. Я встряхнула головой, затем прикоснулась пальцами к вискам и с силой на них надавила. Кроме вспышки боли, это действие ничего не принесло. Что-то мешало вспомнить.

В одноместной палате, помимо кровати, стула и тумбочки, на стене у входа висел рукомойник. Под ним располагалась металлическая чаша, упрятанная в деревянную тумбу, на которой я заметила мыльные принадлежности и зеркальце на длинной ручке. К нему-то я и устремилась за ответами.

Из тусклого прямоугольника на меня грустными глазами цвета медового хмеля смотрела миловидная блондинка с пухлыми губками. Я сжала их в тонкую полоску и нахмурилась, придирчиво оценивая себя со стороны. Рост выше среднего —

откуда-то я это знала, фигура спортивная, сформировавшаяся, привычная к физическим нагрузкам. Волосы густые, но слишком тонкие и воздушные. Прически на таких долго не держатся. Родимые пятна и прочие отметины на видимых местах отсутствуют. И лет мне на вид от семнадцати до двадцати, хотя по ощущениям намного старше. Что же, неплохо для начала. Осталось выяснить, кто я и как сюда попала.

Накинув поверх ночной рубашки больничный халат, я сунула ноги в матерчатые тапки и прошлепала к двери, высунув нос наружу. Хм, длинный коридор с палатами по обе стороны. Примерно посередине находится стол дежурной медсестры. Слева на кушетке, откинувшись к стене, дремлет немолодой мужчина в униформе. Несмазанные петли скрипнули, и незнакомец тут же встрепенулся, машинально положил правую руку на кобуру с торчащей наружу коричневой рукоятью табельного оружия.

— Барышня? — увидев меня, мужчина нахмурился. — Не положено! Вернитесь в палату!

— Кем не положено? Что не положено? — Я оторопела, а дежурная подняла заспанное личико, несколько секунд смотрела непонимающим взглядом, а после подскочила с места и бегом бросилась ко мне.

— Барышня, что же вы встали? Нельзя вам! Доктор не разрешал подниматься. Вернитесь в палату, пожалуйста! — приблизившись, машинально подхватила меня под локоток, но тут же отдернула руку, будто я прокаженная.

— Извините! — Я растерялась, совершенно ничего не понимая. — Мне нужно посетить туалетную комнату.

— Не извольте беспокоиться! Сейчас Марью Кузьминичну пришлю, и все на месте сделаете. А вставать нельзя. Вдруг головокружение начнется? Или обморок случится? Вчера Эдуард Францевич весь резерв на вас потратил. Что же вы, столько трудов и насмарку? Никак нельзя, Настасья Трофимовна. Идемте в палату.

Анастасия Трофимовна? Ну, хоть имя узнала. Кстати, на двери с наружной стороны висела табличка, где значилась пациентка Молчанова. Выходит, это я и есть?

Задумавшись, я вернулась в палату. Медсестра чуть ли не на пятки наступала и семеняла следом, будто опасалась, что я нарочно бухнусь тут в обморок. Нет, это не мой вариант — слишком отличаюсь от изнеженных девиц. Хм, откуда такая уверенность?

— Молчанова Анастасия Трофимовна — это я? — уточнила на всякий случай.

— А вы не помните? — Девушка посмотрела на меня с жалостью. — Эдуард Францевич предупреждал, что возможна кратковременная потеря памяти. После ментального удара и не такое случается. Из группы только вы и выжили... — осеклась, прикрыла рот ладошкой и покосилась на дверь, за которой сидел караульный. — Ой! Не велено же ничего рассказывать. Не выдавайте, пожалуйста!

— Не выдам! — Кивнула решительно. — Только и вы помогите. Расскажите, что обо мне известно? Как я сюда попала?

— Да не знаю я ничего толком, — медсестра испуганно понизила голос. — Я в ночную смену вчера заступила, а вас еще днем привезли. Главный, говорят, ни на шаг из палаты не отходил, а в коридоре столько народу толпилось — ужас. Околоточный, жандармы, важные господа в штатском, маги — посмотреть в их сторону лишний раз страшно. Слухи по больнице расползлись, будто гимназистов с Большой Дворянской на смерть поубивало. Жалко-то как! — достала платочек из передника и смахнула слезинки со щек.

Я присела на кровать, огорошенная новостями. Получается, погибли люди, с которыми я была знакома? Внутри шевельнулась жалость, но тут же и заглохла. Конечно, я сочувствовала горю, что пришло в чужие семьи, но ощущения потери не испытывала. Может, из-за того, что ничего не помнила об этих ребятах?

Медсестра, воспользовавшись моей задумчивостью, тихонько выскользнула за дверь, а на смену ей минут через десять

пришла Марья Кузьминична — санитарка, ухаживающая за тяжелыми больными. С собой она принесла теплой воды для мытья и судно.

— Так, я же хорошо себя чувствую, сама дойду до туалетной комнаты, — возразила, опасливо разглядывая нехитрое приспособление.

— Вот и ладно! Эдуард Францевич будет рад. А вставать и выходить из палаты не велено. Вы уж не подведите, не нарушайте установленный режим. Вдруг вам хуже сделается, с кого за это спросят?

Сопротивляться установленным правилам я посчитала бессмысленным. Только отчего все так опасаются ко мне прикоснуться? Заметила, что санитарка тоже держится на расстоянии.

Пока она перестилала постель, я умылась, почистила зубы, расчесала волосы и заплела тугую косу. Уже потом обратила внимание, насколько привычны для меня эти действия.

Перед уходом Марья Кузьминична смахнула пыль с подоконника и мебели, протерла дверные ручки и предупредила, что завтрак принесет после обхода. Вдруг доктор процедуры назначит, при которых кушать нежелательно? Я равнодушно пожала плечами. В данном вопросе ничего не понимала, хотя не отказалась бы перекусить. Забравшись в кровать, как настойчиво просила женщина, вытянула руки вдоль тела и покивала, заверяя, что вставать до прихода доктора не буду. Но, стоило санитарке выйти за дверь, как я тут же вскочила и босиком прошлепала к окошку с двойным рядом стекол. Из моей палаты просматривался внутренний больничный двор с палисадником и скамеечками для отдыха. У крылечка, свернувшись клубком под навесом, лежал дворовый пес. И воробьи, нахохлившись, сидели на голых ветках единственного деревца. Ненастная погода и морозящий дождик не располагали к прогулкам.

Заслышав шаги и шум разговоров снаружи, я вернулась в кровать. Только успела вытянуться, как дверь распахнулась, запуская толпу народа. Хотя обозвать их толпой я погорячилась. Вошли двое: широкоплечий мужчина в белом халате и средних лет дама в сером платье с белым передником.

— Ну-с, доброго здоровья, Анастасия Трофимовна, — поздоровался доктор и притормозил у рукомойника, споласкивая руки. — Как самочувствие? Есть ли жалобы?

— Здравствуйте, э... Эдуард Францевич? Самочувствие нормальное, жалоб нет, — ответила неуверенно.

— Вот как? — Мужчина изумленно вскинул бровь. — А мне тут передали, что с памятью проблемы возникли. Будто бы имени собственного не вспомнили. Это так?

— Так! — Я нервно улыбнулась. — Но у меня ничего не болит, руки-ноги на месте — все в порядке.

— Не скажите, барышня. — Доктор подошел к кровати и присел с краю. — Давайте посмотрим на ваше «в порядке». Полежите смирно.

У меня глаза округлились, когда мужчина занес ладони над моей головой. Пространство вокруг его рук будто бы посветлело, а меня коснулось что-то ласковое, доброе и теплой волной прошло по телу. Сразу прибавилось сил, появилось непреодолимое желание подскочить с места, заняться каким-нибудь делом. Только просьба «полежать смирно» удерживала на месте.

— Действительно, физические показатели в норме, — подтвердил Эдуард Францевич. — Сейчас только кровь посмотрим, очистилась ли, а то дымом так надышалась, думал, не откачаем. — Мужчина коснулся жилки на моем запястье и замер, минуту слушая пульс. — Чисто! Вот и славно! — Посмотрел на меня хитрым прищуром глаз.

Он не побрезговал взять меня за руку, и это приятно удивило. А вот то, что последовало за этим, напугало немного. Я вдруг отчетливо увидела, чем доктор занимался перед обходом. У него состоялась беседа с человеком в военной униформе, который прибыл в сопровождении еще двух сотрудников. Невольно ощутила неприязнь, которую вызвал столь ранний визит у Эдуарда Францевича. Причем, неприязнь профессиональную, означающую, что эти посетители готовы на крайние меры, лишь бы добиться результата.

— К вам тут из Следственного комитета пожаловали, — предупредил Эдуард Францевич. — Я рекомендовал дать вам

пару дней полного покоя и постельного режима, но дело уж больно важное.

— Доктор! — Я вцепилась в рукав его больничного халата. — Но я ничего не помню! Абсолютно! Чистый лист. Что я им скажу?

— Правду, Анастасия Трофимовна, — Эдуард Францевич участливо похлопал по моей похолодевшей ладошке и вежливо отстранился. — Исключительно правду! Зиночка, — обратился к молчаливой помощнице, — пожалуйста, сообщите, как Их превосходительство закончит беседу.

— А лечение? Особые распоряжения будут? — уточнила женщина красивым грудным голосом.

— Позже назначим. Посмотрим, что маг скажет. — С этими словами мужчина поднялся и вышел из палаты.

Дверь не успела закрыться, как на пороге показались те самые личности из странного видения. Первый — седовласый мужчина в наглухо застегнутом черном мундире с двойным рядом пуговиц, воротник-стойку и обшлага которого украшало золотое шитье. Внешность у гостя запоминающаяся: пышные усы, шрам над левой бровью и внимательный взгляд глубоко посаженных глаз. Добродушная улыбка ничуть не обманула в том, что настроен он решительно. Его спутники по-деловому рассредоточились по комнате. Один устроился в изголовье за спинкой кровати. Второй — занял место у двери и зашторил смотровое окошко.

— Доброго утра, барышня! — Первым заговорил важный гость, усаживаясь на единственный стул, придвинутый вплотную к кровати. — Начальник Следственного комитета имперского сыска, действительный статский советник Лутецкий Степан Аверьянович. Это, — указал на моложавого мужчину у входа, — старший следователь Запрудов Николай Васильевич и штатный маг разума четвертой категории Остромыслов Глеб Валерьянович, — кивком обозначил третьего гостя.

— 3-здравствуйте! — Не знаю, что больше впечатлило, высокий чин посетителя или присутствие мага разума? — Чем могу помочь, Ваше превосходительство?

— Можете, Анастасия Трофимовна. Поможете тем, что расскажете подробно о вчерашних событиях.

— Но я... я не помню. Только имя свое недавно узнала, и ничего больше.

— Глеб Валерьянович? — мужчина бросил взгляд на мага.

— Не врет, — подтвердил он. — С вашего позволения, я хотел бы убедиться.

Начальник степенно кивнул, давая такое разрешение, отчего у меня внутри все похолодело. Видно, моего согласия даже не требовалось. Я расслышала шорох снимаемых перчаток, затем сверху нависла тень, а на виски легли чужие прохладные пальцы. Я сжалась в ожидании неприятных ощущений, и не ошиблась. Голову будто жгутом передавило и прострелило резкой мигреновой болью. Из глаз брызнули слезы, и я закусила до крови нижнюю губу, чтобы не закричать. Помочь я хотела и вспомнить — тоже. Ради этого стоило потерпеть. Не представляла только, что это так больно.

— Ааа! — Все же не выдержала и закричала в голос.

Как бы я хотела в этот момент побыть слабой барышней, падающей в обморок от малейшего испуга. Но даже зубодробительная боль не заставила потерять сознания. Как в тумане расслышала приказ Лутецкого прекратить, а после в дверь, удерживаемую третьим сотрудником, забарабанили.

— По какому праву? — расслышала возмущенный голос. — Гимназистка Молчанова — пострадавшая, а вы обращаетесь с ней, как с преступницей!

— Зачем же я пациентку с того света вытаскивал, чтобы ее тут же угробили! — узнала я во втором заступнике Эдуарда Францевича.

Судя по звукам, защитники прорвались в палату. Разглядеть их мешало противное мельтешение в глазах.

— Девушка — важный свидетель! — скупой огрызнулся действительный статский советник. — Ее показания помогут найти убийцу!

— Но я ведь предупреждал об амнезии! — укорил доктор. — Грубым вмешательством вы только навредите. Желаете, чтобы молодая и полная сил девушка превратилась в овощ?

Эй! Какой такой овощ? Мы так не договаривались.

К троице в черном возникла резкая антипатия. Я и так не испытывала к ним теплых чувств, а после экзекуции, которой меня подвергли походя, совершенно утратила доверие.

— Это дело государственной важности! Молчанова — будущий сотрудник полиции и дала согласие на процедуру.

— Она ничего не помнит, и сама не поняла, на что согласилась, — продолжал рьяно защищать меня незнакомый голос.

— Довольно споров! — устало произнес Лутецкий. — Эдуард Францевич, какие прогнозы на восстановление памяти?

— С этого и надо было начинать! Я думал, ваш мозголом справится, поможет как-то, подстегнет умственные процессы, отвечающие за воспоминания. А теперь что? Мне нужно ее осмотреть, чтобы дать прогнозы.

— Ну, так осматривайте! Кто мешает? — Я расслышала звук отодвигаемого стула, шорох и удаляющиеся шаги.

Ага, а другой так и навис, следит за каждым движением. Мага я теперь здраво опасалась и не желала иметь с ним дел. Поэтому лежала, не шевелясь, чтобы он снова не принялся за свое. Ирод! Хоть бы предупредил, что это опасно.

Но вот я снова почувствовала тепло и прилив сил, отчего на губы невольно напоззла блаженная улыбка.

— Спасибо! — Чуть приоткрыла глаза, чтобы посмотреть на спасителя.

— Как самочувствие, Анастасия Трофимовна? — участливо поинтересовался Эдуард Францевич.

— Значительно лучше. Голова только гудит и тошно в груди. — Прислушалась к себе. — Не думала, что это будет так...

Краем глаза заметила, как маг покинул место в изголовье кровати, подошел к Лутецкому и что-то шепнул тому на ухо. Начальник бросил на меня подозрительный взгляд, будто намеревался подловить на чем-то, но я не отвела глаз и выдержала эту короткую схватку.